

«Вот это для мужчин...»

Открывая мне дверь, Визбор не переставал говорить по телефону. Жестом запретил разговаривать, пригласил в комнату.

Я спросил, может ли он приехать в Краснодар с концертом? Он ответил, что после болезни пока с концертами не выступает... Ходил по комнате. Иногда садился на против меня, снова ходил.

— Вы курите? Я, правда, сейчас не курю. Но вы курите. Здесь можно.

У меня за спиной на стене висела большая карта страны. Все время хотелось повернуться и рассмотреть ее подробнее. Но было неловко перед хозяином. Словно хочешь заглянуть в чужую судьбу. Вся карта была пронизана короткими и длинными лучами, которые расходились из одного центра, из Москвы. Так в детстве, рисуя войну, мы изображали взрыв. Некоторые лучи достигали самых отдаленных углов карты.

Все, оказывается, просто. Если отдельную человеческую жизнь сконцентрировать до мгновения, то получится взрыв. У каждого свой. От пшика спичечной головки — успеть бы прикурить — до мощного, потрясающего человеческие сердца в самых отдаленных уголках земли.

...Барды были всегда, и самодеятельное творчество по сути никогда не прекращалось. От Гомера до наших дней. Мы же выделяем самодеятельную песню сегодня в совершенно отдельную область творчества, и это справедливо. Потому что речь идет о явлении массовом, социально значимом. У истоков этого явления стоит Юрий Визбор.

Вспоминает литературный критик Лев Аннинский:

«Было время недолгое, полтора-два года в конце пятидесятых, когда именно он,

ярко выделившийся, как бы выплывший из волн широко разлившейся тогда студенческой песни, единолично владел вниманием и сердцами слушателей. Это было до Окуджавы, до Высоцкого... Магнитофонные ленты, передаваемые из дома в дом, и живые голоса, подхватывающие песню от костра к костру, были словно отражением самого Визбора: веселого, желтоволосого, круглолицего парня в ковбойке, который не то пел, не то «шептал», не то рассказывал с берущей за душу простотой.

Лыжи у печки стоят...

Гаснет закат за горой...»

Во все времена были и есть люди, которые яркой своей судьбой освещают и наш с вами путь. Этих людей всегда чуть-чуть не хватает, чтобы на земле раз и навсегда победило добро. И дорога их жизни так коротка!

В июле семидесяти пятого во время фестиваля авторской песни в Куйбышеве так и не решился подойти к Юрию Визбору. Хотя интерес к нему был давний. И была корысть, пригласить его в гости, на встречу с краснодарскими любителями авторской песни. Восемь лет спустя, осенью восьмидесяти третьего, он пригласил меня к себе:

— В 14 лет написал первые стихи. О любви. Но мечтал не о литературной славе. Мечтал стать летчиком. Окончил аэроклуб. Имел самостоятельные полеты. Но в летное училище меня не приняли.

И Визбор поступает в Московский государственный педагогический институт. И надо же такому случиться: именно здесь начинается свое восхождение «могучая кука»: вместе с ним учатся и сочиняют песни Юлий Ким, Борис Вахнюк, Ада Якушева. Приходит увлечение путешествиями в горах, горно-

лыжным спортом. Расширяются контакты. С ними — диапазон слушателей.

— По духу самодеятельная песня, ее лучшие образцы, — говорил Визбор в тот вечер, — ближе всего к народной. Она не только для души, но и для ума. Она требует усилий от слушателя.

Сегодня сочиняет песню всякий желающий. Помните, у Высоцкого: «Каждый чиж в апрель — менестрель»? Иные вновь явленные «менестрели» выходят в эфир и на эстраду с песнями бездумными, бессодержательными, нередко пошлыми. Противостоят этому напору безвкусицы можно единственным способом — хорошей песней. Так что качество и профессиональной, и самодеятельной песни определяется не принадлежностью к «сословию», а талантом...

Но все дороги в жизни выбираем мы сами. Зачастую они выбирают нас. Учитель русского языка и литературы недолго проработал по специальности в поселке Кизема Архангельской области. Визбора призывают на службу в армию, где он становится радистом. Радист зверобойной шхуны «Буй» — это уже гражданская специальность Визбора. В его песни можно воровалась морская тема.

— Правда, шхуна тогда ушла бить зверя без меня. Моряком я так и не стал. Было свободных три дня, и я из Мурманска рванул в Москву. Да там и застрял. Так что морские песни — это уже моя журналистская работа. В Москве делал репортажи на радио. Потом взяли в штат.

Он не стал летчиком. Не стал моряком. Но был и тем, и другим. И еще кем только не был. Оттого в его песнях ощущение такой достоверности. Визбор-радиожур-

налист отдает предпочтение репортажу, его темы рождаются непосредственно на месте событий.

Есть еще киноактер Юрий Визбор. Он же автор многих документальных фильмов. Некоторые из них удостоены премий на союзных и международных конкурсах. Еще Визбор — художник. Особенно прекрасны его акварельные работы. Не так уж мало для одного человека. Но есть особая категория людей, среди которых Визбор не просто популярен:

Вот это для мужчин —

Рюкзак и ледоруб,

И нет таких причин,

Чтоб не вступать в игру...

Эти люди, вернувшись с восхождения на Эверест, приняли его, как равного...

Наш разговор подходил к концу. Визбор снова уезжал из Москвы. Я помогаю снести ему вещи к машине. А в голове строчки из песни:

Здравствуй, здравствуй,
я вернулся,

Я к разлуке

прикоснулся...

Это прикосновение, такое непрочное и зыбкое на первый взгляд, вдруг оказывается глубоким проникновением в самую суть. Настолько глубоким, что порой не хватает дыхания и не выдерживает сердце.

Визбор в своей жизни ко многому прикоснулся. Во многом был новатором. Возможно, это его главная черта — проникнуть в суть. Мы прощаемся. Я желаю ему доброго пути и здоровья. На карте начинал прорезаться еще один лучик. На этот раз, кажется, последний. Теперь прошло несколько лет после его смерти. Но Юрий как живой. И знаю — не для одного меня.

Э. ГОНЧАРОВ,
слесарь-инструментальщик
завода «Тензоприбор».
КРАСНОДАР.